УДК 111.1:33.333

ОБЩЕСТВО ПЕРЕХОДНОГО ТИПА КАК ФЕНОМЕН. ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ

Е.А. Цыбулевская

Сургутский филиал МГСУ
E-mail: bogach@ic.tsu.ru

Анализируются принципы и основания функционирования общества переходного типа, излагаются характеристики социальной транзитивности, рассмотрено существо динамики переходного периода.

В отечественную обществоведческую литературу 90-х годов прошлого века прочно вошел термин для обозначения общества – общество переходного типа, иногда именуемое транзитивным. Его специфика подвержена анализу в работах таких авторов, как Т.Т. Тимофеев, Ю.Н. Петров, В. Пернацкий, М. Гельвановский, И. Ковалев, Г.Н. Шахназаров, М.Я. Острогорский, А.Н. Медушевский, определяющих специфику качественных характеристик этого конструкта.

Современный этап развития российского общества характеризуется многочисленными процессами коренных преобразований и реформ во всех сферах общественной жизни. Эти процессы носят сложный противоречивый характер, свидетельствуют о трансформации самой сути социальных отношений, именно это позволяет характеризовать существующий ныне тип российского общества как “переходный”. В переходном обществе проявляется целая система социальных противоречий, являющихся источниками социальных изменений. “От выживания к развитию”, – так определено главное направление реформирования российского общества в Программе Правительства РФ. Ряд авторов связывают специфику общества переходного типа с конституционным кризисом. Для характеристики общества переходного типа А.Н. Медушевский [1], к примеру, вводит идею “конституционного цикла”, позволяющую понять взаимосвязь доминирующих фаз конституционного процесса в переходный, транзитивный период общества. Концепция цикла сама по себе не является новой, присут-

ствует в философских, социологических и экономических теориях, там, где нужно понять типологически сходные фазы развития и дать их сравнительное описание. Концепция экономических циклов, разработанная в XX в. Кондратьевым и Шумпетером, оказала влияние на развитие социологической теории циклов, хотя идея цикличности политического развития обозначена уже Платоном, Аристотелем, Полибием в виде тезиса циркуляции форм правления, а позднее в западной политической мысли – у Макиавелли и Вико. Новое время предложило диалектическую спираль Гегеля и теорию формаций Маркса, социальной статики и социальной динамики О. Конта. В новейшее время эта идея реализуется в философии и социологии культуры Шпенглера, Тойнби и Сорокина, в экономической теории – в концепции Кондратьева, в политической социологии – в идее циркуляции элит Парето и законе олигархии Михельса. Идея цикличности распространяется во многих других областях знаний, оказывая влияние на разработку знания (теория научных революций Куна), экономических кризисов (Шумпетер), стадий экономического роста (Ростоу), социологии конфликта и теории модернизации. Идея конституционных циклов даст возможность увидеть связь разрыва политико-правовой традиции (конституционный кризис) с консолидацией нового конституционного режима (выход из кризиса). Применительно к обществу переходного типа идея конституционных циклов характеризуется А.Н. Медушевским через введение представления о фазах конституционного процесса в транзитивный период. Эти фазы – кризис (утрата конституционной легитимности), разрушение равновесия (политическая дискуссия по вопросам конституционности), наконец, формирование стабильности (когда выработан консенсус по вопросу будущей конституции) [2. С. 12].

Конституционный цикл включает в себя те же основные фазы, что и экономический (в интерпретации Кондратьева-Шумпетера) – кризис (объявление старой конституции утратившей законную силу и признание необходимости разработки новой); депрессия (выражающаяся в фактическом прекращении действия старой конституции); оживление (связанное с достижением согласия по вопросу о тех принципах, которые должны быть закреплены в новом основном законе); подъем (определяющийся введением в действие новой легитимной конституции и порожденными ею надеждами). Можно утверждать, что конституционный цикл включает элементы разрыва и сохранения преемственности, при этом стадии конституционного цикла отражены в правовых актах и дают продвижение вперед нового конституционного принципа. Конечно, исторический процесс становления и развития конституционализма формирует модификации данного процесса, что позволяет формировать модель: можно провести различие конституции в формальном и реальном смысле, учесть соотношение правовых норм и политического режима. Переходная ситуация определяется как переход от неконсолидированного (или деконсолидированного) режима к консолидированному; его сопровождает высокий уровень социальной мобильности; как смена политического режима, когда новый режим имеет существенно отличные черты; как гибридный феномен, специфика которого определяется борьбой тенденций нового и старого режимов. Это промежуточная стадия между стабильными фазами, для которой характерна утрата социального равновесия и соответствующий пересмотр конституционного права, что выражает равновесие. Однако необходимо методологически различать кризис в собственном смысле и переходный процесс. Первый связан с разрушением стабильности и разрывом преемственности, второй – представляет более длительную стадию, характеризующуюся синтезом прежней традиции и новых процессов, порожденных кризисом [3. С. 48].

Если говорить о существе динамики переходного периода, она определяется диалектикой деконституционализации (отмены старой конституции) и реконституционализации (введения новой). Именно между этими двумя операциями располагается переходный режим, действующий в принципе на основе фундаментального акта, принятого ассамблеей и служащего организации публичной власти на переходный период. Главной проблемой права переходного периода является вопрос обоснования ценности конституционных норм, которое может базироваться на простом принятии его общественным мнением или своего рода общественном договоре. В пределах цикла возможны различные проявления конституционной дисфункции, – разнообразные конфликты легитимности и законности, по-разному проявляющиеся в процессах конституционной модернизации. Авторами предлагается своеобразная интерпретация либералистской стратегии политических преобразований, неолиберальной концепции конституционных кризисов и выходов из них. Конституционный кризис предстает как закономерная фаза развития при переходе от традиционного аграрного общества к индустриальному гражданскому и от абсолютизма к парламентской демократии. Этот переход осуществляется в ходе радикальных правовых реформ или (в случае их невозможности) путем конституционной революции, формирующей новые политические институты. Отсутствие развитого гражданского общества и демократической политической традиции практически исключает линейный характер данного процесса. Он имеет циклический характер, выражающийся в достаточно последовательной смене конституционных и авторитарных периодов. Этим объясняется тот факт, что наибольшие достижения конституционализма в начале XX в. завершились в большинстве модернизирующихся стран возвратом к жестокому авторитарному режиму.

Разрыв цикличности и поступательное движение конституционализма возможно лишь при активной поддержке со стороны общества, прежде всего, его

интеллигентной части. Механизмы конституционных кризисов и интенсивная динамика смены их основных фаз проходят в исторически краткий промежуток времени. Автор говорит о методологической значимости и эвристической содержательности понятия конституционный кризис. Дело в том, что он дает богатейший материал для анализа механизма конституционных изменений; идея конституционных циклов позволяет увидеть взаимосвязь ряда основных фаз конституционного процесса в переходный период – кризис (утрата конституционной легитимности), разрушение равновесия (политическая дискуссия по вопросам конституции) и достижение стабильности на новом уровне (консенсус по вопросам будущей конституции). Проблема конституционной дисфункции выражается в различных вариантах конфликта легитимности и законности, их проявлении в конституционной модернизации. Именно анализ различных моделей конституционных кризисов, этапов функционирования конституции как фактора социальных изменений раскрывает механизм конституционной трансформации, а теория конституционных циклов в ее целостности позволяет увидеть взаимосвязь разрыва политико-правовой традиции (конституционный кризис) с консолидацией нового конституционного режима (выход из кризиса) и восстановлением преемственности. Можно говорить также о важности этого понятия (конституционный кризис) для политического прогнозирования.

В условиях транзитивного социума конституционная нестабильность сопряжена с политической нестабильностью, но эта связь отнюдь не имеет автоматического характера. Она может определяться ситуацией переходного периода от авторитаризма к демократии. Возможен и такой вариант, как переход от демократии к авторитаризму, реализующему модель мнимого конституционализма, когда общество не подготовлено к демократии, а глава государства стремится укрепить личную власть. Сложность ситуации переходного периода не всегда может быть выражена привычными понятиями теории конституционного права. Модель республиканской монархии (*monarchie republicaine*) была введена для выявления ситуации укрепления власти главы государства в реальных демократиях (путем выборов устанавливалась власть сильного президента или премьер-министра в США, Франции, Канаде, власть Вашингтона, Наполеона (до установления империи) и Дизраэли). Такой тип власти главы государства согласуем с институтами демократии и всеобщими выборами (“выборная монархия”). В условиях традиционалистских патриархальных режимов, где судьба нации персонифицируется в лидере, а конституция, подобно кардиограмме, регистрирует этапы укрепления власти, возможна иная система конституционного укрепления власти главы государства. Радикальные изменения конституции при этом, имея внешнее сходство с конституционными кризисами в развитых демократиях, происходят по иным причинам: конституция отвергается не обществом, но самой властью, поскольку перестает соответствовать ее интересам.

Говоря о специфике российского конституционализма переходного периода, отметим его особенность, выражающуюся в том, что российский конституционализм опирается на непрочный баланс сил и имеет два типа авторитарной угрозы – коллективистско-бюрократическую диктатуру (советского или иного вида) и режимов бонапартистского типа. Эти конкурирующие модели авторитаризма, отталкиваясь друг от друга, одновременно дополняют одна другую: в истории часто случалось, что одна из них устанавливается под предлогом противостояния другой. Следствием является отказ от конституционных принципов регулирования власти. Избежать этих крайностей можно лишь при сохранении той системы разделения властей, которая закреплена в конституции и сохранения сильной президентской власти. Есть серьезные основания интерпретировать ее как проявление “мнимого конституционализма”, однако в настоящее время весьма проблематична возможность лучшего варианта. Авторы конституционных поправок, выдвигая принципы парламентаризма или смешанной формы правления, больше озабочены обеспечением корпоративных интересов законодательного корпуса, чем государственным решением проблемы демократии в России. Президентская система сохраняет, по крайней мере внешне, известные конституционные формы, которые теоретически способны наполниться правовым содержанием. Антитезой этому является не реальный конституционализм, но традиционный российский выбор между анархией или антиконституционным режимом в одной из многочисленных модификаций. Выход из политического кризиса следует видеть не столько в радикальном изменении конституционного строя, сколько в решении проблемы лидерства – сильной президентской власти, опирающееся на демократическое и профессиональное большинство. Доминирующая проблема нашего времени – переход к демократии как к новому социальному порядку. Предшествующее традиционалистское общество инкорпорировало индивида в жесткие социальные структуры. В новое время происходит их распад, идет формирование гражданского общества, возникает явление, которое Токвиль назвал “феноменом всеобщего равенства”. Отсюда – рост влияния масс на принятие политических решений через систему всеобщих выборов, однако масс неподготовленных к политике.

Что же касается демократизации общества, то следует различать понятия “демократизация” и “демократический период”. Эти понятия различаются по своему объекту: в первом случае речь может идти о странах, где демократия стабильна и существует длительное время, во втором – только в странах, переходящих от авторитарного режима к демократии. Процесс демократической деформации охватывает три стадии – с XIX в. до начала Первой мировой войны; с окончанием Второй мировой войны до 60-х годов XX в. и с начала 70-х гг. до настоящего времени. Сегодня там, где существуют авторитарные режимы, они вынуждены привыкать к “имитационной” демократии или “фасадной демократии” для

самолегитимации. Процесс демократической трансформации может протекать спонтанно, означая радикальный разрыв с авторитарным прошлым, а может приобретать форму "редемократизации", восстановления демократических институтов в тех странах, где они уже существовали ранее.

Понимание общества переходного, транзитивного типа несводимо лишь к такой его существенной характеристике, как кризис конституционный. По большому счету, общество в транзитивный период пребывает в состоянии нарушенного социального равновесия, и хотя выше мы говорили о реализации в обществе переходного типа идеи цикличности, эта форма протекания имеет свою специфику. Так циклическая форма протекания кризиса связана, как правило, с сохранением в течение длительного времени конституционно – правовой напряженности, являющейся, в свою очередь, выражением неразрешенности социальных (экономических, национальных, политических) противоречий. В этих условиях последовательные движения одной части общества в направлении реформ сопровождаются столь же последовательным стремлением другой его части (или государства) к контрреформам. Этот процесс волнообразной схемы демократических и авторитарных фаз развития свойственен для многих модернизирующихся стран, где государство традиционно являлось доминирующим фактором социального прогресса; характерен этот процесс и для России переходного времени.

Анализ специфики переходного этапа революции российского общества, пребывающего в ситуации неустойчивости, исчерпанности прежних возможностей, может быть дополнен утверждением о том, что постоянным фактором социальной жизни в России стала нестабильность. Внешняя нестабильность не играет самостоятельной роли и может оказать свое воздействие, возможно разрушительное, на принятие стратегических геополитических решений, преломляясь через внутреннюю нестабильность. Важнейшим фактором нестабильности как признаком переходного времени является высокий уровень внутренней реальной потенциальной дезорганизации общества, всех сторон его жизни, слабость способности общества ее устранять. Дезорганизация носит всеобщий характер, она охватывает человеческую деятельность, направленную на воспроизводство общества, культуры, всей системы отношений, на формирование смыслов, решений на всех уровнях общества. Опасность дезорганизации заключается в том, что она снижает жизнеспособность субъекта, занятого своим воспроизводством, несет возможность приближения к порогу необратимости, переход через который приводит к разрушению общества, государства, столкновению частей между собой, к конфликту частей и целого. Четыре раза в истории под влиянием внутренней дезорганизации российское общество распадалось. Таким образом погибла Киевская Русь, имела место гибель государства в так называемое Смутное время, государство распалось в 1917 и в 1991 гг. В первых трех случаях эти катастрофические события повлекли за собой гибель значительной части населения. Высокий уровень дезорганизации выражается, в частности, в том, что мы постоянно движемся зигзагами, постоянно отменяем свои собственные решения, движемся циклами по замкнутому кругу, принимаем «хромающие» решения, которые постоянно отменяются, чтобы затем отменять саму отмену. Эта ситуация делает нестабильность постоянным фактором нашей жизни, хотя масштабы и степень ее могут колебаться. В этих условиях уместно говорить о ситуации системного кризиса, который затрагивает не отдельные частные сферы (экономику, политику, культуру) – находится в кризисе социум в целом. Общенациональный кризис протекает на фоне глобальной, общемировой нестабильной ситуации, дестабилизирующие факторы заведомо превышают возможности национальных систем управления. Поэтому всякие попытки национальной системы управления стабилизировать ситуацию ни к чему не приводят. Имеет место самогенерирование кризиса. Локальные конфликты и возмущения немедленно резонируют с другими, давая неожиданный глобальный эффект, достигают центров влияния, в значительной мере парализуя способность власти управлять событиями и принимать корректные решения.

Можно говорить о конкретных фазах нестабильности. И если попытаться выявить доминирующую причину внутренней нестабильности, можно утверждать, что этой причиной является нарушение того консенсуса, который всегда держал наше государство; это консенсус сложного государства. Крестьяне тогда исправно несли свои повинности, когда они знали, что дворяне защищают Отечество и рискуют жизнью. Как только дворяне получают закон о вольности дворянства, а повинности крестьян растут, консенсус оказывается нарушенным. Наши реформы постоянно нарушали консенсус. Д.П. Кончаловский прекрасно об этом сказал применительно к петровским реформам. Он отметил, что попытки Петра «пробиться в европейский дом» означали европейский дом для высших классов общества. А для низших – прямо противоположное движение – к усилению крепостной зависимости, к бесправию, к азиатчине. Кажется, мы имеем все основания подозревать, что и сегодня наша реформа обернулась тем же самым эффектом противоположных направлений движения. «Новые русские» идут в европейский дом, а «старые русские» загоняются в гетто такого бесправия, такой нищеты, какой давно не знала история России. Это нарушение консенсуса и вызвало тотальную дестабилизацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М., 1998. – 228 с.
2. Медушевский А.Н. Конституционные кризисы в обществах переходного типа // Вопросы философии. – 1999. – № 12. – С. 6–19.
3. Межуев В. Нация и государство // Россия на новом рубеже. – М., 1995. – С. 45–61.